

Андрей Борисович Троицкий
Звонок другу
Серия «Бумер», книга 1

OCR Sergius: ssergius@pisem.net
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121243
Троицкий А. Звонок другу: Олма-Пресс; М.; 2004
ISBN 5-224-04839-7

Аннотация

Глупо требовать от жизни справедливости, зато можно восстановить ее с помощью кулаков. Правда, у этого способа есть одна особенность: обмен ударами идет по нарастающей. Насилие порождает еще большее насилие. И главное, чтобы тебя не приняли за слабака и лоха... Так считают герои этой книги – «честные угонщики автомобилей» Рама, Килла, Ошпаренный и Кот. Роковое стечение обстоятельств ставит их вне закона, но они живут не по закону, а по понятиям...

Содержание

Часть первая	4
Глава первая	4
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвертая	18
Глава пятая	22
Глава шестая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Андрей ТРОИЦКИЙ

ЗВОНОК ДРУГУ

Часть первая

Кидалово

Глава первая

Трое молодых людей, оставив «Жигули» на развилке в паре километров от дачного поселка, последний отрезок пути преодолели на своих двоих. Шли друг за другом, стараясь не наступать в глубокие промоины на грунтовой дороге.

Показавшийся вдали поселок утонул в густых предзвездных сумерках. Влажный хвойный лес, обступивший дома, еще спал. Низко нависло небо в темно-серых клочковатых тучах. Ни огонька, ни птичьего крика, ни человеческого голоса.

Первым, легко перескакивая через лужи, шагал Костян Кот в потертой кожанке и высоких ботинках на шнуровке. Изредка в просветах между тучами появлялся молодой, острый, как серп, месяц, и тогда Костян выключал фонарик с подсевшей батареей. Когда месяц снова заслоняли тучи, он нажимал кнопку на плоском корпусе, и желтый световой круг выхватывал из темноты рыхлый снег и глубокие лужи.

За Котом, стараясь попадать в след, пыхтел Леха Килла. Он тащил на плече тяжелую спортивную сумку с инструментом, который может пригодиться в деле. Леха прятал в ладони оранжевый огонек сигареты, другой рукой смахивал с черной куртки падавшие с елей капли. Его переполняли недобрые предчувствия...

Леха уговаривал себя, что настроение у него плохое только потому, что накануне он засиделся в одном питейном заведении, где по виду крутили фильмы ужасов. И вместо того, чтобы покатать бильярдные шары, посмотрелся лабуды про оживших мертвяков. Да и последний стакан водяры был лишним.

Килла жалел, что не взял с собой ствол – с пушкой спокойнее. Но Кот сказал, что они идут не на мокруху, а угонять тачку. И вообще, пачкаться кровью в их деле – ни к чему. В самом крайнем случае, если хозяин «мерседеса» проснется и выскочит во двор, можно навернуть ему по морде. Если не успокоится, отоварить бейсбольной битой.

Шествие замыкал Петя Рама. Он тащился, понутив голову и запустив руки в карманы куртки, словно ждал от жизни только подлянки. Рама часто останавливался, сплевывал, и прибавлял шаг, чтобы нагнать товарищей. Он думал о том, что фарт не катит. Белый мерс Е-класса с четырьмя фарами они пасли уже давно. В Москве все было готово, чтобы оприходовать тачку. Но не сложилось. Больше откладывать нельзя, все сроки вышли. Мерс они обещали пригнать в конце прошлой недели, но хозяин тачки, некто Николай Семенович Коршун, вместе с какой-то белокурой шалавой, которая годилась ему в дочери, неожиданно отчалил в свой загородный дом и залег там, будто от ментов прятался. Видимо, у Корзуна разыгрался первый пугающий приступ мужского климакса, иначе он не позарился бы на эту худосочную девку, долговязую и ломучую. Похожую на селедку, нацепившую очки.

Корзун наплел жене, что уезжает по делам в другой город. А дел у бизнесмена, имеющего четыре собственных мукомольни, два зерновых элеватора и несколько оптовых складов, под завязку забитых мукой, выше головы. И уже пять дней Корзун и его селедка не высовываются из двухэтажного особняка на окраине дачного поселка. Белый «мерседес»

мокнет за забором, потому что у Корзуна гараж на одну машину и место под крышей занял «ситроен» подружки. Но это все семечки. Обидно, что дело стоит на месте и неизвестно, когда с него сдвинется.

У Рама на этот счет было свое мнение. Заказчик мерса ждал тачку без малого три недели, подождет еще, не треснет. Вот вернется Корзун в город – и они за пятнадцать секунд уведут машину, как лопатник у пьяного лоха. Легко и элегантно. Когда карман оттягивают ключ и брелок сигнализации, проблемы и принципе не существует. Но соваться в дачный поселок опасно. Каждый человек на виду, даже глухой ночью. Главная проблема уйти незамеченными. Но Кот был непреклонен. Он считал, что выгодный заказ выскользнет, как обмылок из руки. Подобную тачку угонят другие, а они останутся с хреном. Ждать возвращения Корзуна в Москву нельзя. Надо действовать, а не размазывать сопли по тарелке. Вот и весь разговор.

Рама не любил, когда решения принимаются коллегиально, общим голосованием, как на колхозном сходе. Если Кот решил так, пусть так и будет. Люди делятся на две категории: начальники и дураки. Пусть Кот будет начальником, если ему так нравится. В конце концов, брать тачку в Москве или в Подмоскovie – разница невелика. И риск тот же. Почти тот же...

– Господи, когда-нибудь это дерьмо кончится? – возмутился Килла, зачерпнувший воду ботинком. – Каким хреном нас сюда занесло? И вообще...

– Не скрипи зубами, – Рама медленно нагонял его. – Я встречался с одной девчонкой, временной невестой, она врач. Так вот, врач говорит, что у тех, кто часто скрипит зубами, – глисты. Это не художественный свист, а медицинский диагноз. Жестокий, но правильный. Лечись, братан.

– Это у тебя глисты, – оглянулся Килла. – Только не в брюхе, а в башке. И половину твоего мозга они уже сожрали. Рабочую половину. Ту, что немного соображала. Так что теперь тебе думать нечем. Остается только за временными невестами повторять всякую хрень.

Кот светил фонариком и, не оборачиваясь, не обращая внимания на перепалку, шагал дальше. Рама вместо ответа толкнул Киллу в спину, придавая его движению правильное направление. Топай, мол, без тебя тошно. От нечего делать Килла стал считать свои шаги. Двадцать... сорок пять... Семьдесят... Кот остановился, навел фонарик на калитку в глухом заборе и, щелкнув кнопкой, выключил лампочку.

– Пришли, – обернувшись назад, тихо скапал он. – Килла, остаешься здесь.

Димон Ошпаренный, сидевший за рулем угнанных вчерашним вечером «жигулей», маялся от скуки. Машина, съехав с грунтовки, стояла метрах в тридцати от дорожной развилки, в тени деревьев. Сквозь лобовое стекло просматривались две дороги. Одна к дачному кооперативу «Сосны», вторая к песчаному карьере. Димон, стараясь чем-то себя занять, тыкал кнопки радиоприемника, стараясь найти приличную музыку. Но по всем станциям гнали попсу, вызывавшую тошноту. На других частотах передавали подделочки под блатную музыку. Это немного лучше, хотя с первой же ноты, с первого слона песни, понимаешь, что ее автор не хавал баланды и не катал тачку по зоне. Димон успокоился, когда нашел джазовые импровизации на темы «Серенады солнечной долины».

Он выключил печку, потому что в салоне стало слишком жарко, опустил стекло и прикурил сигарету. Это дачное приключение, эта ночь, туман и сырость не нравились Димону. Он не мог избавиться от ощущения, что сегодняшнее мероприятие закончится плохо. Возможно, очень плохо.

Димон вдруг вспомнил, как он однажды угнал японскую машину из дачного поселка. Но то был не бизнес, а пьяный кураж, стремление повыделываться перед одной подружкой, имя которой давно стерлось из памяти. Девчонка сказала: «Тебе слабо». Но Димон придерживался иного мнения. Он просто вырубил хозяина, тщедушного мужика, прицельным уда-

ром по затылку. Обшарил карманы, выудил ключи. Сел за руль, посадил рядом с собой ту стервочку и на полную катушку врубил магнитола. А потом на лесной дороге, не вписавшись в поворот, разворотил передок «ниссана», поставил его на уши. Хорошо хоть живы остались и ноги не поломали. Выбрались из раскуроченной машины, лесом дошли до трассы и рванули к Москве на попутке. Вспоминать все это стыдно. Дешевое фраерство, пьяная тупость...

Сейчас другой случай. Костян Кот познакомился с перекупщиком ворованных тачек, серьезным мужиком по имени Иван Павлович Глотов. Перекупщик интересовался исключительно новыми немецкими машинами и давал хорошую цену, не требуя новых документов. Условие одно: угнанная тачка должна строго соответствовать всем требованиям заказчика. Уже дважды они выполняли поручения Глотова, все выходило без кидалова. Перекупщик платил те деньги, которые обещал. На этот раз заказчику потребовался мерс Е-класса не старше года, с четырьмя фарами. Цвет «белый жемчуг», трехлитровый движок, механическая коробка плюс масса наворотов. Минус бортовой компьютер и система глобального ориентирования на местности, по которой тачку можно найти со спутника или через стационарные пеленгаторы. Начали с того, что перелопатили базу данных на владельцев «мерседесов», отметили несколько подходящих кандидатов. Но конкретного лоха не выбрали, это дело не одного дня. Помог случай. Петя Рама шестой месяц работал в фирменном сервисном центре «мерседес», куда его приткнули за добрую взятку. Те капиталовложения окупались после первого же дела. Все классно. И работенка бумажная, не бей лежачего. Не надо крутить гайки, сидя в смотровой яме. Чистенький костюмчик, письменный стол и кресло на колесах. Принимай заказы, выписывай квитанции и стряхивай пыль с ушей.

Пару недель назад к сервису на своем белом «мерсе» подъехал Николай Семенович Корзун. Поднялся в контору, положил на стойку металлический жетон, на котором выдавлен код магнитного ключа. Накатал заявление, мол, потерял запасной ключ от своей тачки, прошу изготовить новый. Петя пробил машину по компьютеру: «мерседес» Корзуна – то самое, что хотел заказчик. В Германию, где за семью замками в базе данных фирмы хранились метки транспондерных иммобилайзеров, встроенных в ключи зажигания, ушел заказ на изготовление не одного, а двух экземпляров. Через неделю Корзун получил свой ключ, не глядя расписался в квитанции и отчалил. Второй ключ осел в кармане Рама.

Еще через два дня Петьку и еще трех сотрудников, попавших в черный список за компанию с ним, выперли с работы. Эти фокусы с ключами случались не в первый раз, и терпение руководства лопнуло. До ментов дело решили не доводить, большой скандал, который повредит репутации солидной фирмы, никому не нужен. Кажется, Рама остался доволен своим увольнением. Ясно, ему осточертело восемь часов протирать штаны в офисе, улыбаться всяким жлобам и строить из себя придурка. Оставалось решить вопрос с сигнализацией. Ну, это не самая сложная задача. Костян Кот несколько дней ездил по Москве за Корзуном, отслеживая его маршруты, стараясь понять, откуда безопаснее уводить мерс.

Ошпаренный видел Корзуна только один раз, когда тот выходил из подъезда и садился за руль «мерседеса». Он напоминал отъевшегося мучного червя: дряблая бледная физиономия, широкая грудь и огромный живот, будто Корзун на сносях и ожидает большой приплод: двойняшек или тройню. Услугами телохранителей Корзун не пользовался, тачку водил уверенно, даже лихо. Еще недавно он ездил на «лендровере дискавери», но решил сменить внедорожник на более породистую машину, сам того не подозревая, получил вместе с мерсом бесплатный мешок неприятностей.

С помощью портативного сканера, установленного на передней панели Костиной тачки, считали код сигнализации «мерседеса». Изготовили брелок-шпион, который ее отключает. Оставалось взять машину голыми руками.

И тут у Корзуна наклюнулся бурный роман с этой сучкой по имени Марина. Девчонка работала менеджером по продажам в одной из его московских контор. Затащив Корзуна в постель, она рассчитывала на скорое продвижение по служебной лестнице. По всему видно, девчонка очень старалась, и теперь никаких преград на пути ее карьерного роста уже не наблюдалось. Прямая дорога наверх. Корзун проглотил наживку, видно, женщины не часто баловали его вниманием. Вместе с Мариной он слинял из города на дачу и вот уже пятый день торчал в своем доме, не высовывая носа на улицу. Его мобильный телефон не подавал признаков жизни, жена Корзуна отвечала, что муж в командировке, когда вернется, знает только он один.

Все последние дни перекупщик Глотов проявлял беспокойство, донимая Кота своими бесконечными звонками, многозначительно вздыхал в трубку, делал странные намеки. Мол, если дело не по зубам, нечего было на него подписываться. Костян назначил встречу Глотову в кабаке «Лазурный берег», Ошпаренный напросился на стрелку. Решил, что дело общее, поэтому и базар надо держать вместе.

Глотов производил впечатление солидного упакованного чувака. Высокий и худой, лет пятидесяти с гаком, седые волосы он зачесывал на макушку, пряча небольшую розовую плешь. Пиджак из английского твида с вставками из замши, куплен явно не в магазине «Копейка», плюс швейцарские часы «Фрэнк Мюллер» и золотые запонки с камушками. Дело портили вечно бегающие темные жиганские глаза и слишком беспокойные руки. Глотов шарил пальцами по столу, как слепой, ощупывал крахмальную скатерть, осторожно передвигал приборы, будто хотел стырить мельхиоровую вилку или опустить в карман рюмку с фирменным клеймом ресторана.

Костян коротко обрисовал ситуацию, сказал, что потребуется еще какое-то время. Тачка, можно сказать, лежит в жилетном кармане его костюма. Вариант стопроцентный, верный. Но сейчас, когда Корзун на даче, трудно к машине подступиться. Надо немного подождать.

– К черту, – взорвался Глотов. – К такой матери! Слушать не хочу! Мы не на вьетнамском рынке, а ты торгуешься, как в базарный день. Дайте ему еще пару суток... У вас было время решить все проблемы. Но вы чего-то ждали, хотя знали, что заказ срочный.

– Корзун скоро вернется. Не век же ему...

– Слушай, – Иван Павлович теребил скатерть и блуждал взглядом по сторонам. – У меня есть на примете пара таких же тачек. И есть парни, которые все сделают быстро и за меньшие деньги. Можно сказать, за гроши все обтяпают.

– Какая-нибудь залетная урла?

– Не имеет значения. Урла, не урла... А ты кто сам, прямой потомок князя Шереметьева? С голубой мочой вместо крови, да? Не хрена строить из себя... Главное в нашем деле – это работа, конечный результат и сроки, в которые работу выполняют. Эти парни не станут взламывать противоугонные системы, придумывать хитроумные комбинации, воровать магнитные ключи с иммобилайзерами. Они все делают проще. Притирают нужную машину, бьют хозяина в пачку так, чтобы он час не мог очухаться. И быстро смываются. А потерпевший потом часами вспоминает, как выглядели его обидчики.

– Случается, что и вспомнить не может, – поправил Кот. – Потому что потерпевшие после таких дел часто оказываются в морге или инвалидном кресле. Это самый дерьмовый вариант, какой только можно придумать. Самый рискованный. Грязная работа. И пахнет кровью. Мы доводим дело до верного.

– Я не могу больше ждать, – покачал головой Глотов. Кажется, его голос дрогнул. Он действительно многое наобещал и не мог кормить заказчика новыми обещаниями. – Ни одного дня у меня нет. Или вы работаете, или я отказываюсь от ваших услуг. На меня наез-

жает этот хрен. Наконец, я взял аванс. Просроченный день – это потерянные бабки. Выбирайте.

– А кто заказчик?

– Какая разница? – Готов поморщился. – Блин, ты задаешь слишком много вопросов.

Ну, один солидный коммерсант. Приезжий.

– Какой-нибудь чурбан? Хачик?

– Я уже сказал: это не имеет никакого значения. Он немного с придурью, но честный.

Он платит реальные деньги – это главное.

– Что за человек? – Костян проявил настойчивость. – Имя у него есть?

– Хотя вам эти подробности знать совершенно не обязательно, – Готов осуждающе покачал головой, – его зовут Витя Ольшанский.

– Из бластных?

– Ни-ни. Он работал в Челябинске, занимался экспортом черных и цветных металлов.

И, судя по всему, имел неплохой навар. Но, сам понимаешь, Челябинск – это провинция. Там не развернешься. Прозябать там всю жизнь – не лучшая перспектива. Ольшанский закрыл свою лавочку, перебрался в Москву. И теперь думает, куда двинуть бабки, чем тут заняться. Он никуда не торопится, осматривается, приглядывается.

– А заодно уж решил, ну, пока есть время, начать со скупки угнанных тачек? – Кот выпил шампанское и поморщился. Кажется, так называемое «Коллекционное» здесь щедро разбавляли водой из-под крана. – Хорошее капиталовложение.

– Ольшанский не тот человек, кто станет бросаться деньгами. Если есть возможность купить мерс подешевле, зачем переплачивать? У Ольшанского есть «чистая» тачка, на которую он молится. БМВ семьсот пятидесятый. А мерс нужен для представительских целей, раз в неделю на нем выехать. Пустить лохам пыль в глаза. Ведь у нас по-прежнему встречают по одежке, по тачке...

– Что-то тут не склеивается. Если он честный фраер, то плохо начинает на новом месте. И вообще все это пахнет знаешь чем? Дерьмом.

– Брось, – Готов махнул рукой, едва не опрокинув бутылку. – Это его проблемы, его деньги. Ольшанский дает двадцать процентов от рыночной стоимости тачки. Это потолок. Ведь ты работал и за десять процентов. А теперь задом крутишь и ломаешься. Я бы никогда не связался со случайным человеком. За него поручились верные люди. А вы отвечаете только за техническую сторону дела. И все, и точка. Теперь я должен услышать ответ: ты собираешься работать или страдаешь...

Костян пощелкал пальцами, подзывая официанта, сделал заказ, даже не раскрыв карту вин и меню.

– Ладно, – сказал он после минутного раздумья. – Передай этому кенту, что тачка будет у него через два дня. Но у меня тоже есть одно условие. Раз он немного того, с придурью, как ты говоришь, на стрелку поедем вместе.

– Ты что, не веришь мне? – удивился Готов. Впервые он посмотрел в глаза Коту. – Это я веду переговоры с заказчиком. Я получаю лаве и банку.

– Верю. Но на стрелку едем вместе.

– У нас так заведено, – подал голос Ошпаренный. – Ну, если возникают какие-то проблемы... На всякий случай.

– Хрен с вами, – сдался Готов. – Поедем. Когда тачка будет у вас. Через два дня. Только знайте, что двое суток – это предел.

Готов быстро расправился с ужином, выпил два фужера калифорнийского вина, цветом и вкусом напоминавшего портвейн «Кавказ» и отдававшего пробкой. Великодушно разрешив Коту расплатиться за угощение, встал и растворился в табачном дыму, оставив друзей доедать десерт.

– Не нравится мне этот хрен моржовый, – сказал Ошпаренный. – Глаза у него вороватые. Как у последней сволочи. Такой может запросто нас обуть. Глазом не моргнет.

– Ясный пень, он тебе не нравится. Кажется, в твоём вкусе девочки, а не пятидесятилетние дядьки, – возразил Кот. – Или ты уже сменил ориентацию? А я и не заметил...

И заржал на весь зал, будто сказал что-то очень прикольное. Так заржал, что люди стали оборачиваться. Ошпаренный смутился и замолчал. Спорить с Котом не имело смысла...

Кот потянул на себя ручку калитки. Заперта. Просунул руку в щель – с внутренней стороны забора массивная задвижка и амбарный замок. Кот махнул рукой в сторону забора, перешагнув канавку, полную талого снега. Подпрыгнув, ухватился руками за край забора, подтянулся, через секунду он уже сидел наверху, протягивая руку Раме.

– Сам залезу, что я – инвалид?

Рама натянул перчатки из тонкой кожи, вскарабкался на забор и спрыгнул вниз. Приземлился неудачно, на кусты шиповника. Колбочки поцарапали запястье, проткнув джинсы, впились в мякоть бедра. Рама, готовый гаркнуть во всю глотку, едва сдержался. Лизнул сухим языком запястье. Коту повезло больше, он плюхнулся на ровное место, даже удержался на ногах. Отошел от забора на несколько шагов, дожидаясь, когда Килла с другой стороны перебросит сумку, предварительно вытащив оттуда бейсбольную битку. В носу защекотало, Кот чихнул и отступил в сторону. Спортивная сумка, перелетев через забор, едва не грохнулась ему на голову.

– Черт, мать твою, – прошептал Кот. – Ты меня пришибить решил? Хоть бы спросил, куда сумку бросать, обормот.

– Темно, как в могиле, – тихо отозвался Килла. – Откуда я знаю, куда кидать?

Сжимая в правой руке узкую рукоятку бейсбольной биты, он подошел вплотную к забору и сквозь щель между досками постарался разглядеть, что происходит с другой стороны. Молодой месяц появился в просвете между облаками и тут же исчез. Но за несколько коротких мгновений Килла сумел кое-что увидеть. Двухэтажный особняк красного кирпича с летней верандой и огромным балконом на втором этаже явно был построен недавно, но смотрелся старомодным и убогим, лишенным изюминки. Просто кирпичная будка с верандой и балконом. Видимо, архитектор, нанятый Корзуном, и прежние времена долго работал на селе. Проектировал свинарники или сенные навесы.

На участке разрослись яблони, возле дома посадили несколько кустов туи, но они засохли, не прижились. Мерс стоял на асфальтированной площадке метрах в десяти от ворот. Главное – тачка на месте, остальное вопрос техники. По носу ударила тяжелая дождевая капля. Килла, перепрыгнув канаву, вышел на дорогу.

Его задача стоять на стреме и, как говорится, обеспечить пацанам силовую поддержку. Если ненароком сюда забредет страдающий бессонницей сторож или комендант садового товарищества «Сосны», надо, выскочив из темноты и тумана, свалить его прицельным ударом по репе. Связать руки ремнем, сунуть в рот тряпку и оттащить с дороги, чтобы машиной не переехать. Пусть вон в канаве отлежится, отдохнет от трудов. Вероятность такого развития событий ничтожно мала, но Кот сказал, что сегодня облажаться нельзя. И учесть нужно все. Если тачку не взять с первой попытки, о ее существовании лучше забыть навсегда.

Придется спешно искать другой вариант. Сколько времени уйдет на эту бодягу? А заказчику мерс нужен срочно. Всегда так: срочно, срочно, срочно... Будто нельзя лишнюю неделю потерпеть. Килла услышал, как звякнула толстая цепь, стягивающая створки ворот. Это Кот перерезал пневматическими ножницами дужку замка. Намотал цепь на руку, осторожно положил на землю.

Рама подошел к машине вплотную, нажал кнопку брелка, отключил сигнализацию. Мерс грустно пискнул. Вспыхнули и погасли габаритные огни.

Так, с сигнализацией порядок.

Глава вторая

Рама осторожно открыл переднюю дверцу, сел в водительское кресло. Набрал полную грудь воздуха, задержал дыхание. Первое волнение уже прошло, сердце билось ровно и спокойно. Рама оглянулся назад. Видимость почти нулевая, но можно разглядеть, как Кот копается с воротами. Помимо цепи и замка, предстояло поднять металлический костыль, фиксирующий створки, потянуть в сторону задвижку. Затем капнуть из масленки в петли ворот, чтобы не скрипели, когда их откроют. Эти манипуляции надо проделать быстро и бесшумно.

Кот поднял металлический костыль, закрепил его, бросил в раскрытую сумку масленку. Кажется, с петлями все. Кот потянул на себя правую створку ворот, вытащил камень из альпийской горки, сложенной рядом с забором, подложил его под ворота. Потянул на себя вторую створку. Ржавые петли, даже смазанные маслом, неожиданно заскрипели. Этот скрип, похожий на крик проснувшегося младенца, оказался таким громким, что, кажется, его услышали на другом краю поселка. В ту же секунду Кот сгинул где-то в тумане.

– Мать твою, – Рама врезал кулаком по спинке пассажирского сиденья. – Вот же сука.

Теперь он смотрел на окна дома. Если хозяин проснется, то первым делом выглянет в окно, а затем врубит свет. Это займет минуту, не больше. Нужно немного выждать. Корзун, разумеется, сразу заметит, что машина на месте. Но спросонья в такой темноте, может, не разглядит, что створки ворот распахнуты настежь.

Капли падали на ветровое стекло, постукивали по крыше и капоту. Рама уставился на светящийся в темноте циферблат наручных часов. Дом, большой и мрачный, как склеп, кажется, спал. Вдали за забором поднималась стена хвойного леса. Секундная стрелка сделала полукруг. Второй полукруг. Ни одно окно не засветилось. Кажется, пронесло.

Кот открыл заднюю дверцу, положил сумку на коврик, устроился на диване.

– Ждешь, когда Корзун проснется? – прошептал он. – Заводи.

Рама расстегнул молнию внутреннего кармана, достал электронный ключ, не похожий на обычные автомобильные ключи. Никакой планки с зубцами, только продолговатая рукоятка, похожая на узкий брелок. Подобно обычному ключу она вставляется в видоизмененную прорезь замка.

– С богом, – сказал Рама.

Он сунул ключ в замок. Через секунду сработала система электронного распознавания «свой-чужой». Система разблокировала руль, включила зажигание и стартер. На холостых оборотах двигатель работал почти бесшумно.

– Смотри, – Рама указал на нижнее крайнее окно.

В окне мерцал едва заметный огонек, будто в комнате засветили яркую свечу или керосиновую лампу. Кажется, изнутри кто-то отдернул занавеску, потянул в сторону вертикальные жалюзи. Точно, хозяин уже на ногах. Через мгновение в квадрате окна показался мужской силуэт. Саженные плечи, толстая шея, всклокоченная голова. Корзун опустил спингалет, дернул на себя ручку, но оконный блок, разбухший от сырости, не поддавался. Корзун дернул сильнее, едва не выдрав ручку.

– Давай, жми, – заорал Кот. – Ну, давай. Жми, тебе говорят.

Рама включил задний ход, вырулил на улицу, слишком узкую, покрытую талым снегом. Килла, истомившийся от ожидания, упал на переднее сиденье, хлопнул дверцей.

– Ну, сегодня наши не пляшут, – сказал он и вытер кулаком мокрый нос. – Жми, Петя, жми. Все получится.

Окно распахнулось. Корзун высунулся наружу, уперевшись левой рукой в мокрый подоконник, выставил вперед правую руку. Грохнул выстрел. За ним второй. Из ствола револьвера вылетел снап искр. Колеса проворачивались в снежном месиве. Рама вывернул руль,

дал передний ход, затем задний, снова передний. Машина едва не повалила соседский забор. Вцепившись в руль мертвой хваткой, Рама выровнял машину. Из-под протекторов вылетел фонтан грязи.

Мерс рванулся с места, вильнул. Машина плохо держала дорогу, колеса пробуксовывали.

Николай Семенович Корзун проснулся, будто его толкнули в грудь. Зевнув, он уставился в темноту. Интересно, что его разбудило. Марина, подогнув ноги к животу, крепко спала. Тишина. Только капли дождя постукивают по жестяному подоконнику. Николай Семенович подумал, что с Мариной ему повезло, девчонка первосортная. Конечно, она не прима-балерина и не ведущая манекенщица из журнала «Вог». Но внешние недостатки отходят на второй план, в постели девчонка такая заводная, такая горячая, что у мертвого встанет. Даже без «виагры».

Показалось, за окном что-то тихо звякнуло. Что это может быть? Или послышалось? Но он вроде не страдает слуховыми галлюцинациями. Корзун лежал, вслушиваясь в неясные звуки ночи. Сонливость как рукой сняло. И тут донесся совершенно отчетливый скрип ржавых петель. Ветер не мог распахнуть ворота, обмотанные цепью.

Сбросив одеяло, Корзун выскочил из постели, шагнул к выключателю, но вспомнил, что свет в поселке вырубил вчерашним вечером. Может, оно и к лучшему. На цыпочках, Корзун подкрался к окну, отдернул занавеску и выглянул на двор сквозь щель в вертикальных жалюзи. Светлый «мерседес» стоял на прежнем месте. Туман, темнотища. Месяц, пробившийся из-за туч, освещал двор слабым мертвенным светом. Корзун увидел длинную тень, которая медленно проползла по асфальтированной площадке и пропала. В груди похолодело. Одна створка ворот распахнута настежь. Вот появился силуэт человека, кажется, распахнулась вторая створка. Ничего толком не видно. Проклятый дождь.

Корзун перевел дыхание. Впечатление было такое, будто кто-то, даже не человек, а неизвестная науке тварь, запустила лапу между ребер и вытащила из груди его большое доброе сердце. Неожиданно вспомнился тот день, когда вместе с женой Ритой Корзун совершил пробную поездку на новой, еще не оплаченной машине. Тогда он сказал жене: «Теперь я занимаю такое общественное положение, что больше не могу покупать тачки, угнанные в Европе. Сама понимаешь, не тот статус. „Мерседес“ – моя первая машина, купленная легально, в московском автосалоне».

«Конечно, – ответила Рита. – С таким высоким общественным положением нельзя ездить на сомнительных машинах. У тебя друзья – депутаты Парламента. А Василий Васильевич, тот вообще... Как высоко взлетел».

Тихая, какая-то пришибленная жизнью, она всегда и во всем соглашалась с мужем. Даже если он нес полную ахинею.

Корзун в два прыжка добрался до кровати, упал на мягкий матрас, с силой толкнул Марину в плечо.

– Что, что? – женщина села на кровати. Бретельки ночной рубашки сползли с плеч. – Коля, что...

– Мой «мерседес» угоняют, – сказал Корзун и не узнал собственного голоса, какого-то надрывного, с хрипотцой. – Угоняют тачку.

Он провел рукой по прикроватной тумбочке, мобильный телефон здесь. Корзун снова вскочил, рванулся к окну, задернул шторы. Чиркнув спичкой, зажег свечу, выдвинул ящик тумбочки, вытащил шестизарядный револьвер «Стерлинг» девятого калибра. Разорвав упаковочный картон, высыпал на одеяло патроны.

– Что ты делаешь? – Маринины глаза напоминали белые пуговицы. Она сидела на кровати, таращилась на револьвер, прикрывая лицо ладонями. У нее дрожали не только пальцы, дрожали даже предплечья. – Что ты собрался сделать? Зачем тебе оружие?

Корзун сунул Марине в руки мобильный телефон и аккумулятор.

– Звони в ментовку, – приказал он.

Открыв барабан, стал рассовывать патроны в гнезда. Пальцы слушались плохо, патроны сыпались на пол. Наконец он справился с револьвером. Натянул джинсы и свитер. Марина тыкала пальцем в кнопки телефона, но дисплей не загорался. Видимо, за эти дни аккумулятор успел сесть. Черт, как это не вовремя.

– Где твой сотовый?

– Ты сам сказал: оставь его в Москве. Чтобы не доставали звонками. Я сделала, как ты...

– Дура, – Корзун потряс револьвером перед носом Марины. – У тебя что, своей башки нет? Мозги ты тоже дома оставила? Телефон она не взяла. А тут машину уводят.

Корзун подлетел к окну, насилию распахнул его, едва не вырвав ручку. «Мерседес» уже выехал на дорогу и застрял в снегу. Двигок работал на высоких оборотах, мерс дергался взад-вперед, стараясь выбраться из западни. Николай Семенович выкрикнул что-то, поймал на мушку светлый силуэт машины, то место, где сидел водила. Нажал на спусковой крючок. На секунду оглох от громкого хлопка. Спуск револьвера оказался слишком тугим. Пуля прошла выше цели. Он выстрелил еще раз и снова промазал.

– Суки, что вы делаете? – крикнул Корзун, решив, что с такой дистанции при такой видимости не достанет бандитов из короткоствольного револьвера. – Тормози. Люди, помогите... Люди...

Господи, к кому он обращается? Какие еще люди? Возможно, на все сто домов садоводческого товарищества есть одна живая душа, комендант, отставной майор внутренних войск, или сторож, старый и глухой, как тетерев. Но оба наверняка отсыпаются после очередного возлияния. Зови их или из пушки стреляй, раньше полудня все равно не поднимутся. Зимой здесь немного развлечений: карты, водка, радио и сладкий сон.

«Мерседес» исчез из вида.

Корзун бросился к комоду, схватил ключи от входной двери. Раскрыл Маринину сумочку, вывалил на пол помаду, пудреницу, еще какую-то муру, среди которой отыскал ключи от «ситроена» и рванулся к выходу.

В дверях, расставив руки, стояла Марина, закрывая собой дверной проем.

– Что ты делаешь? – крикнула она. – Прекрати немедленно. А если они вооружены? Господи... Они убьют тебя! Не ходи. Это всего лишь машина.

Но остановить Корзуна было невозможно. Он завелся, как угнанный «мерседес», с полоборота.

– Всего лишь машина? – от возмущения у него перехватило дыхание, он не сумел закончить фразу. – Я зарабатываю на жизнь не минетами, как ты. За бабки я пашу как проклятый.

– Коля, послушай...

– Уйди с дороги, – прошипел Корзун.

Марина не двинулась с места. Корзун, коротко размахнувшись, свободной рукой вцепился ей в руку, потянул на себя и, развернувшись на сто восемьдесят, с силой бросил девушку на кровать.

Свечка погасла. Корзун налетел на стену и выругался.

– Блин, темнотища.

– Заткнись, сволочь.

Марина уткнулась лицом в подушку и разрыдалась в голос.

Выскочив на веранду, Корзун распахнул дверь, спустился по скользким ступенькам, быстро для своей крупной комплекции помчался по тропинке к гаражу, на бегу сообразив, что забыл переобуться. На босу ногу надеты стоптанные шлепанцы с кожаной подошвой и войлочным верхом.

Через минуту Корзун сидел за рулем «ситроена». Бросив револьвер на пассажирское сиденье, завел двигатель, ударил по газам. Машина выскочила из ворот, задев задним крылом железный столб. Корзун включил фары дальнего света. Он подумал, что на такой поганой дороге все решает не мощность двигателя, а вес машины. Тот отрезок пути, где тяжелый «мерседес» по уши увязнет в грязи, «ситроен» проскочит как намыленный. Только бы догнать этих отморожков, только бы догнать. По грунтовке до асфальта километров пять или около того. Дорогу до «Сосен» строители начали тянуть еще два года назад, завезли грунт, завезли щебень, а потом все бросили, исчезли неизвестно куда.

Да и асфальтовая дорога до ближайшего населенного пункта – это смех, одно название. Колдобины да рытвины. Там тоже не разгонишься.

«Мерседес» лишается всех своих преимуществ, главное, скорости. Когда проедешь поселок, дорога расходится. Если взять направо, минут через десять выскочишь на Рижское шоссе. Свернешь налево, придется долго колесить от поселка к поселку, от деревни к деревне по мерзкой трассе в два ряда. На Рижку угонщики не свернут, испугаются ментов. Остается второй вариант. Тут у Корзуна все козыри на руках. Подвеска мерса на такой дороге запросто накроется. А вот относительно легкий «ситроен», пожалуй, выдержит, проскочит.

Корзун сжимал руль так, что белели костяшки пальцев. Он испытывал странный зуд в ладонях, будто руки искушали муравьи.

«Ситроен» выскочил из дачного поселка. Корзун прибавил газу. Дорога, петляя вдоль поля, поднималась вверх, затем спускалась в низину, затопленную густым туманом, снова поднималась вверх. После третьего поворота Корзун увидел вдаль фонари «мерседеса». Его расчет оказался правильным, ударившая оттепель превратила дорогу в болото.

Решено, водилу он пристрелит. Поравнявшись с «мерседесом», через боковое стекло выпустит в мерзавца все оставшиеся патроны. Вышибет мозги, и плевать, что кожаный салон будет загажен кровью. Тут вопрос даже не в деньгах, это дело принципа. Когда «мерседес» остановится, подойдет очередь того кадра, что упал на заднее сиденье. Корзун успеет перезарядить револьвер. Выйдет из «ситроена», распахнет дверцу своей тачки, прострелит подонку колено, а потом выпустит пулю в живот. Чтобы почувствовал, что такое настоящая боль. И, наконец, вытащит его из салона и голыми руками свернет башку. Последнее, что угонщик услышит перед смертью – треск собственных шейных позвонков.

До асфальта всего ничего. Фонари «мерседеса» приближались, вот они исчезли за стволами деревьев. Справа встала темная стена леса. Корзун включил дворники, хотел сбросить газ, чтобы вписаться в поворот.

А дальше произошло необъяснимое. Неизвестно откуда, словно из леса, вдруг выскочила какая-то машина с выключенными габаритными огнями. Не отжав сцепления, Корзун резко нажал на тормоз, услышал характерный звук колес, уже заблокированных, скользящих по дороге. Тут же отпустил тормоз, вывернул руль, чтобы, вильнув в сторону, избежать бокового удара. Но ему не хватило доли секунды, чтобы выполнить этот маневр. Неизвестная машина левым углом ударила в заднее крыло «ситроена».

«Ситроен» слетел с дороги. Перевернувшись набок, по склону песчаной насыпи сполз вниз. Снова перевернулся, на этот раз на крышу. Корзун ударился ребрами о руль, затем влетел затылком в крышу машины. Наступила темнота. «Ситроен» встал на колеса.

Корзун пришел в себя минут через десять. Распахнув дверцу, выбрался из салона. Утопая голыми ногами в снегу, вспомнил, что в машине остались его тапочки и пистолет. Хрен с ней с пушкой. Но как босиком возвращаться обратно? Еще минут пять Корзун искал тапочки в разбитой машине. Затем, встав на карачки, заполз на откос, выбрался на дорогу. Темные «Жигули» с разбитым передком стояли на краю склона. Одна дверца распахнута настежь. Водилы не видно.

– Эй, – крикнул Корзун. – Есть тут кто?

Ни ответа, ни привета. Размазывая по лицу и шее кровь, сочившуюся из уха, он медленно поплелся к дому. В голове гудел растревоженный пчелиный улей. Корзун спотыкался, падал в жидкую холодную грязь, поднимался на ноги и брел дальше, не чувствуя под собой ног.

Глава третья

Поднявшись с кровати, Костян Кот натянул майку и спортивные штаны и посмотрел на будильник, стоявший на подоконнике. Десять утра. Выходит, он спал часа три или около того. Было слышно, как на кухне из крана льется вода. Настя задержалась, не пошла на работу как обычно к девяти. И сейчас моет грязную посуду, оставшуюся с вечера. Она работает переводчиком в одном серьезном агентстве, которое обслуживает культурные или бизнес-мероприятия высокого уровня. К трудовой дисциплине там относятся трепетно и нежно. Странно, почему она до сих пор не ушла на работу? Костян втайне надеялся, что к тому времени, когда он проснется, Настя уже отчалит. Тягомотный разговор сам собой отложится до вечера. А к тому времени найдутся нужные слова, объяснения.

Меньше всего сейчас хотелось отвечать на ее вопросы. Куда он исчез? Где пропал всю ночь? Почему не позвонил? Ведь она ждала, нервничала, заснуть не могла. Ясно, нервничала. Ясно, ждала. Откуда такое равнодушие? Почему Костян позволяет себе то, что не позволил бы ни один любящий мужчина? Именно так, этими же словами, Настя сформулирует свои вопросы. Дрожь в голосе, на глазах слезы. Действительно, почему Костян ведет себя, как свинья? Ответов не было. Надо бы придумать что-то вразумительное, логичное. Что-то такое... Но что может придумать человек, у которого спросонья башка совсем не варит, человек, переживший не самые приятные в жизни ночные приключения.

Костян подошел к окну, глянул вниз, на темный квадрат двора в белых проплешинах снега. Сломанные качели, несколько пустых скамеек, возле песочницы какая-то дама в кожаном плаще выгуливает грязно-серого пуделя. Дама куда-то опаздывает, она нетерпеливо дергает за поводок, но собака не желает идти домой. Пудель рвется к помойке, хочет спугнуть пару жирных голубей, которые ищут в отбросах что-нибудь съедобное. Костян потер ладонью лоб. Что же сказать? Вот он, грустный итог жизни: тридцать годиков за плечами, а он даже врать складно не научился. Кажется, он даже не повзрослел.

А если сказать правду? Вчера вместе с дружбанами мы побывали в Подмосковье, долго месили дорожную грязь, пешком добираясь от шоссе до садоводческого товарищества «Сосны». А там проникли на чужой участок и увели мерс у одного жлоба. Но все пошло наперекосяк с самого начала. Хозяин проснулся, поднял шум, даже пару раз пальнул из пистолета, а затем погнался за ними на «ситроене» любовницы. И сегодняшним утром Костян вполне мог проснуться не в своей квартире, на этой мягкой постели, а мог на деревянном настиле камеры предварительного заключения. А поутру друзей по одному тягали бы в следственный кабинет, снимая показания.

Но на этот раз обошлось. Ошпаренный, вырвавшись на жигуленке из леса, бортанул «ситроен» в заднее крыло, а когда тот слетел с дорожной насыпи, Димон пробежал две сотни метров, пересел в мерс. До Москвы добрались спокойно, поставили тачку в гараж и разбежались.

Нет, сказать правду он не сможет, язык не повернется. Версия такая: они с пацанами копались в гараже, ремонтировали тачку Киллы, выпили немного пива, потрепались, совсем забыли о времени. Вышли из гаража, уже утро.

Костян присел на подоконник, прикурил сигарету. Вода на кухне больше не лилась. В комнате пахло обойным клеем и олифой. Разобранная стремянка увешана рабочей одеждой маляров. Заляпанные краской куртки, майки, какое-то тряпье неизвестного назначения. Внизу стоят потрескавшиеся от старости две пары башмаков. Маляры со слезами на глазах выпросили у Кота три отгульных дня. То ли нашли денежную халтуру на стороне, то ли душа праздника попросила. Сегодня пятый день, а рабочих ну хоть с фонарями ищи. Только не поймешь, где потерялся их след.

Ремонт в квартире начался больше месяца назад. За это время тетя Тоня и Вадик, украинцы приехавшие в Москву на заработки, успели содрать старые обои, размыли и покрасили потолки, кое-как, сикось-накось положили в ванной кафель. Всего-то. А работы впереди еще непечатый край, конь не валялся, а маляры работали так, будто у них в конечностях стояли тормозные колодки.

Костян проклинал тот день, когда на строительном рынке увидел эту парочку и поверил басням о том, что Вадик с тетей Тоней, спецы высшей квалификации, в два счета сделают ремонт его запущенной холостяцкой берлоги. Недорого и, главное, очень быстро и качественно. Вот тебе и быстро. И качественно. Тетя Тоня, вечно стонавшая то ли от приступов радикулита, то ли от природной лени, мучимая подагрой и хронической простудой, едва шевелилась. Судя по этим стонам, она готова была вот-вот отбросить коньки, возложив хлопоты с похоронами и поминками на Кота. «Слушайте, если вы так плохо себя чувствуете, сходите к врачу, – как-то не выдержал Кот. – Пусть мазь пропишет. Стонать при мне – пустое дело. Я за радикулит малярам не доплачиваю. А лучше так: сразу получите инвалидность. Навсегда забудьте о работе, а по утрам в свое удовольствие растирайтесь скипидаром». Тетя Тоня сделала вид, что обиделась, дня три не разговаривала с хозяином, но стонать прекратила.

Вадик же интересовался не работой, а ценами на вещевых барахолках, прикидывая, какой товар нужно везти из Москвы, чтобы с выгодой загнать у себя на родине. Возвращаясь после очередной экскурсии на вещевой рынок, он долго жаловался тетке на неуступчивых московских продавцов, повторяя: «Если уж что везти отсюда, так это кроссовки. И спортивные костюмы. Кстати, я и себе костюмчик подобрал. С тремя полосками. Закачаешься». «Слушай, пан спортсмен, поработать нет желания? – спрашивал Кот. – Ты ведь маляр высшей квалификации. А не хрен в стакане. Где твоя рабочая гордость?». Кот смеялся, а Вадик, туго понимавший юмор, только кивал головой. Он тупо смотрел на ведро с краской, соображая, для каких целей предназначена эта жидкость и что нужно с ней делать. Так и не сообразив, понуро плелся на кухню пить кефир, жевать бутерброды и, глядя в окно, мечтать о будущих барышах.

Маляры растягивали удовольствие как могли. Видимо, надеялись перебиться тут до апреля, а там откроется строительный сезон. Заказов, а вместе с ними и денег, повалит столько, что можно будет выбирать халтуру на конкурсной основе. Кто больше заплатит и создаст «приемлемые» условия.

Услышав мелодию мобильного телефона, Костян вытащил трубку из кармана джинсов, болтавшихся на спинке стула. Голос Ивана Глотова был совсем близко, будто тот звонил из соседней квартиры:

– Я хочу узнать только хорошие новости, – предупредил Глотов. – Не огорчай меня.
– Все тип-топ, – ответил Кот. – Тачка на месте.
– Как все прошло? Без осложнений?
– Лучше не бывает, – соврал Костян. – Впрочем...
– Что «впрочем»? – насторожился Глотов.
– Впрочем, я насморк подцепил. До сих пор после ночной прогулки согреться не могу.
– Насморк – не дурная болезнь, – облегченно вздохнув, изрек Глотов и перешел к комплиментам: – Я же всегда говорил, что тебе это дело по зубам. Один раз высморкаться и забыть.

Костян хотел ответить, что так высморкался, что до сих пор опомниться не может.

– Господи, если бы ты меньше рассуждал и больше действовал, давно бы потерял счет деньгам, – талдычил Глотов. – Встречаемся сегодня в девять тридцать вечера. Ты еще не раздумал ехать вместе со мной?

– Не раздумал.

– Тогда одна просьба. Не тащи на встречу свою бригаду. Это может не понравиться покупателю. Ну, в том смысле, что ему не доверяют и все такое... Сам понимаешь. Он человек осторожный. Я бы даже сказал несколько старомодный. И вообще может испугаться до поноса, когда увидит твоих архаровцев. Я не хочу портить отношения, когда наше сотрудничество только начинается, только на рельсы становится. Возможно, нам с ним еще долго работать. Сто процентов, что будут новые заказы. Много новых заказов, очень выгодных.

Костян помолчал. Язык чесался ответить, что больше он не станет работать ни на Глотова, ни на Ольшанского. Провались они сквозь землю со своими выгодными заказами. Даже в том случае, если ему предложат более выгодные условия, он откажется. Костян продаст квартиру, как только найдутся покупатели, которых устроит его цена. А это случится со дня на день. Ну, если быть честным перед самим собой, называть не взятые с потолка, а реальные сроки, это произойдет через месяц. Возможно, через месяц с небольшим. Дней через десять Костян продаст свою любимую «субару легаси», навороченную полуспортивную тачку.

Покупатель есть, он в срочном порядке собирает деньги. У мужика башня повернута на спортивных тачках, двухгодовалая «субару» с форсированным движком и усиленной подвеской для него – голубая мечта, цель всей жизни. Кроме этой прозы в планах Костяна есть и романтическая страница: бракосочетание с Настей. Церемония состоится через три недели в местном загсе. Никаких подвенечных платьев, пышных банкетов, свидетелей с красными ленточками через плечо и прочей лабуды. Они просто распишутся и поставят в паспортах колотушки, а вечером посидят с друзьями в одной кафешке, где играют приличные музыканты, не разбавляют вино сивухой, а в сортире не предлагают купить дурь.

Как только Кот закруглит в Москве последние дела, он вместе со своей молодой женой навсегда уедет из России. Загранпаспорт с открытой шенгенской визой уже в кармане. И отъезд – дело решенное. Вопрос не подлежит обсуждению. Медовый месяц в Париже – это звучит почти гордо. А потом короткая поездка на побережье Португалии, недорогой отель в пригороде Порто или на Мысе Сан-Винсенти. Много солнца и моря, автомобиль напрокат, а в придачу низкие цены и отличные дороги вдоль всего побережья.

«Мерседес» Корзуна – последняя работа, выполненная в Москве. Финальный аккорд криминальной карьеры. Кот согласился на предложение Глотова, потому что в последнее время расходов много, с деньгами плохо, да и парням надо немного заработать. Дальше точка. Пауза длиною в жизнь. Интересно, какую рожу скорчит Глотов после этого сообщения? Может, слезу пустит от горя? Иван Павлович не устал повторять, что надеется на длительное сотрудничество с Котом, мол, вместе они загребут вагон денег, даже больше. Глотов найдет в себе силы изменить жизнь. Для начала перестанет спать с потаскушками, посещать игорные заведения, близко не подойдет к ипподрому, даже немного отложит на старость, которая не за горами. А тут такая неприятность, такой жуткий облом.

– Понимаешь, о чем я? – повторил Глотов. – Возьми одного из пацанов. О'кей?

– А? Чего? – переспросил Кот, выпавший из разговора.

– Я говорю: возьми только одного из своих парней. А лучше – никого не бери. Когда меньше народу, легче договариваться. Если грамотно построить разговор, поторговаться, но без нажима... Возможно, тебе отойдет лишняя штука. Или полторы.

– Лады, – рассеянно кивнул Кот. – Нас будет двое. Так уж заведено. Мы не ездим на стрелки по одному.

– Черт с тобой. Записывай: улица Речников...

Глотов продиктовал адрес и дал отбой.

Глава четвертая

Костян вышел в тесную прихожую, в темноте споткнулся о спортивную сумку с инструментом, пневматическими ножницами и какими-то железяками. Сегодня, вернувшись под утро домой, он, бросил сумку в прихожей. Молния расстегнута, торчит рукоятка лехиной бейсбольной биты. До сегодняшнего дня Костян не замечал, чтобы Настя рылась в его вещах. Но если она все-таки увидела пневматические ножницы и биту... И так сказать нечего, а тут еще эта сумка.

Костян заперся в ванной, наспех побрился, сполоснул лицо. Через минуту он появился на кухне. Настя, протиравшая плиту, даже не повернулась в его сторону. Одетая в брючный костюм, значит, уже собралась на работу, но не уходила, видно, дожидалась, когда Костян проснется и можно будет высказать все обиды. Он присел на табурет. Покашлял в кулак, мол, здесь я...

– Слушай, ты извини, что так вышло. Вчера в гараже засиделись. – Костян чувствовал, что врет неумело, убого. – Совсем забыли о времени...

Настя сняла фартук, повесив его на вбитый в стену гвоздь, махнула рукой. Она не ждала от Костяна ни правды, ни лжи. Она хотела выйти из кухни, но остановилась в дверях.

– Совсем недавно с тебя сняли судимость, – Настя обернулась. – И все начинается сначала? Ты обещал, клялся. Я завязал, я завязал... И что? Ни черта подобного. Не стану читать тебе нотации. Душевные разговоры пусть ведет с тобой заместитель начальника колонии по режиму. Той самой колонии, где ты скоро снова окажешься. Но знай: если что-то случится, твоя жизнь покатится под гору. И наверх уже не подняться.

– Но я...

– Я хочу тебя вытащить из этого болота. И есть единственный способ это сделать. Уехать отсюда, оборвать концы, оборвать знакомства. Пусть не навсегда уехать, хотя бы на пару лет. И тут подвернулся прекрасный вариант – есть возможность получить вид на жительство во Франции. Но ты упираешься изо всех сил. Почему, я не могу понять? Ты хочешь остаться, чтобы все это продолжалось?

– Мы уедем, – ответил Кот. – И все кончится.

– Ты обещал поговорить со своими парнями. С Киллой, Ошпаренным и Рамой. Обещал все им объяснить. Но не сказал ни слова. Правильно? Или я ошибаюсь?

– Просто случая не было. Для такого базара нужно время и место. Все никак не складывалось. Но я поговорю. Может, завтра. Как получится.

– «Завтра» твое любимое слово.

– А ты почему еще не ушла? – Костян неуклюже попытался повернуть разговор на другую тему. – Сегодня нет никаких мероприятий? Ну, с этими, иностранцами?

Настя, даже не удостоив Кота ответом, только покачала головой и вышла из кухни. Через минуту хлопнула входная дверь. Костян вытянул из пачки сигарету, прикурил и стал крутить на столе чайную ложечку, раздумывая, кого брать с собой на стрелку. Киллу? У него лучше получается махать бейсбольной битой, чем языком чесать. Петя Рама, пожалуй, подойдет. Он мужик представительный, весь из себя, если надо, умеет клиенту пыль в глаза пустить. Кроме того, знает любую мерсовскую модель, как свои пять. Залезет под капот, расскажет о достоинствах движка...

Но покупателя вряд ли интересуют технические тонкости. Он сам выбирал и заказывал тачку, поэтому знает все ее прибамбасы. Но если Рама все-таки начнет читать автомобильные лекции, его не остановишь даже силой. Пусть едет Ошпаренный. Он умеет поймать нить разговора, ввинтить ко времени нужное слово. Если возникнут осложнения... Стоп.

Никаких осложнений не предвидится. Они просто отдадут тачку и получат лаву. Простое дело, проще некуда.

Телефон зазвонил в тот момент, когда Кот, решив подкрепиться, открыл дверцу холодильника.

– Константин, как хорошо, что я застала вас дома, – звонила Раиса Сергеевна Шаталова, риэлтэр, которая второй месяц искала покупателей на квартиру Кота. – Еще не забыли о моем существовании?

– Не успел. Последний раз мы беседовали два дня назад.

– Вот и хорошо, и чудненько! – «Чудненько» было любимым словом Шаталовой. – Наклюнулся один вариант. Супруги из Саратова хотят посмотреть вашу квартиру. Сегодня же вечером. В девять вас устроит? Прекрасные люди. Всю жизнь в провинции торговали рыбой. Кажется, не совсем свежей рыбой, – Шаталова засмеялась. – А вот сейчас решили перебраться в столицу. Открывают тут свое дело. Чудненько. Правда?

– Правда, – мрачно согласился Кот. – Рад, что на тухлой рыбе можно так подняться. Свое дело в Москве. Это не каждому дано. Но ближе к вечеру я должен уехать, срочное дело.

– Господи... Какие могут быть дела, когда вы продаете недвижимость? Чудненько... Перенесем встречу на завтрашний вечер. На семь часов у вас дела не намечены?

– Понимаете ли, – замылся Кот, – мои маляры куда-то пропали. Все бросили и смотались. Дела стоят на месте. Не квартира, а помойка. Стыдно не то что чужим людям показывать, тут самому находиться стыдно.

– Константин, вы меня разочаровываете, – вздохнула Шаталова. – Покупатели после вашего ремонта будут делать свой ремонт. Их интересуют квадратные метры, а не обои на стенах.

– Но квартира должна иметь товарный вид. Это закон любого бизнеса, иначе я буду вынужден снизить цену. Я заинтересованное лицо.

– Слушайте, ваша квартира – это не подарок судьбы. Не так просто найти покупателей на это, извините за выражение, убожество. А вы тянете резину. У меня такое впечатление, что вы просто не хотите ее продавать.

– Хочу, – вздохнул Кот.

– Когда вы наконец закончите свой ремонт?

– Завтра же я найду других мастеров, которые все сделают за неделю. Под страхом смерти.

– Хорошо, я позвоню через неделю. Вы меня расстроили, Константин. – Шаталова швырнула трубку. Кот захлопнул холодильник и, забыв о завтраке, пошел обратно в комнату, на ходу отключив мобильник. Голова с недосыпу дурная, тяжелая, пару часов здорового отдыха ему не помешают. Через несколько минут Костян, накрывшись с головой одеялом и поджав к животу колени, спал как убитый.

Сон приснился кошмарный. Даже не сон, а странное сплетение воспоминаний о прошлой жизни зэка в республике Коми под Интой, где Костян мотал срок, с новыми ощущениями и образами... Снилось, что он тянет последний год лагерной пятилетки. К этому времени Костян уже стал расконвоированным зэком, которому, если повезет, если есть наряд, разрешено днем покидать территорию промышленной зоны, чтобы поработать в поселке, где проживают семьи охранников, лагерного начальства и просто вольняшки. Ясно, когда до звонка остается всего несколько месяцев, человек в бега не уйдет. Значит, и конвой ему без надобности. Только людей попусту гонять.

Работы в поселке всегда по уши. Надо накормить скот, натаскать воды, порубить дрова, иной раз крышу починить или забор поправить... Да мало ли что. Работа не из легких, но Кот радовался, когда выпадал случай сходить в поселок. Значит, не придется целый день

видеть рожи мужиков и вертухаев, не услышишь лай собак и матерщину охраны. В поселке есть с кем словом переброситься, а попадетя добрая хозяйка, обязательно покормит.

Костяну снилось, что он, выписав бумагу у начальника отряда, шагал зимней дорогой через лес. До поселка три версты. Вокруг ни души, в воздухе висят снежные хлопья, ветер стих. А тишина такая, что слышно, как потрескивают на последнем весеннем морозце сухие ветви столетних елей.

Идти трудно, обрезанные сапоги с верхом из прорезиненного брезента и полустертой подметкой из искусственной кожи и картона скользят по дорожной колее, затянутой ледяной коркой и припорошенной серым подтаявшим снегом. Несколько раз он чуть не упал, но в последний момент, отчаянно взмахивая руками, как подстреленная птица крыльями, умудрялся удержаться на ногах. Из рта вырывался прозрачно голубой пар, а под пидоркой голову щекотали капельки пота.

Костян даже позволил себе короткий отдых. Остановившись, медленно, себе в удовольствие, скурил сигарету, надолго задерживая в легких горячий дым. Бросил короткий окурочек, постоял минуту и побрел дальше. Звук приближающегося грузовика Кот услышал издали, но не замедлил шага. В этом месте дорога, прорубленная через лес, сужалась и поворачивала направо. Мотор гудел на низких оборотах где-то совсем близко. Через минуту Костян увидел, как из-за поворота появился передок КамАЗа. Машина, груженная круглым лесом, шла медленно, тащила за собой тяжелый прицеп. Костян стал гадать, откуда и куда едет грузовик. Из леспромхоза? Так тот прекратил свою деятельность года три назад, когда в окрестностях не осталось деловой древесины, пригодной для масштабной промышленной заготовки. Кот решил, что лес рубит какая-то самодеятельная артель для собственных нужд или на продажу.

Расстояние между ним и грузовиком сокращалось. Чертыхнувшись про себя, Кот сошел на обочину.

Старый, прожженный на спине бушлат мешал движениям, а ноги в неудобных сапогах елозили по крошеву из снега и льда. Водителем почему-то оказался старый кореш Кота по зоне Евдоким Вяткин по кличке Вятка, одетый в новый черный ватник. Вятка поднял руку, приветствуя одинокого путника. Кот сунул руки в карманы, мрачно кивнул в ответ, мысленно посылая Вяткина куда дальше. Едет мимо и даже не остановится...

Грузовик миновал зэка, передние колеса прицепа поравнялись с Котом. Костян сделал еще пару шагов вперед и вдруг почувствовал, как заснеженная земля неожиданно сделалась мягкой, стала уходить из-под ног. Подметки заскользили по обочине, поехали вниз, в глубокую дорожную колею, прямо под задние колеса прицепа.

Кот не успел вытащить руки из карманов бушлата, плюхнулся на задницу, но продолжал скользить вниз, в дорожную колею. Еще не почувствовав боли, услышал сухой хруст костей. Задние колеса прицепа переехали ноги чуть ниже колен. Водитель, увидев в зеркале заднего вида, что произошло, резко утопил в полу педаль тормоза. Шедший на малой скорости грузовик, словно старый железный зверь, закрипел всеми своими ржавыми суставами, задергался и остановился. Круглые баланы в прицепе трянуло, верхнее бревно сорвалось, стремительно полетело вниз, вперед комелем. Бревно летело точно на грудь Кота.

Инстинктивно он выставил вперед руки, которые в последнюю перед страшным ударом секунду все-таки вытащил из карманов. Так глупо, так бездарно умереть... Костян истошно заорал. Но вместо крика из горла вырвалось шипение. Костян взмахнул руками. Это был последний приступ отчаяния и боли. Костян заорал по-настоящему, в голос. Сырой хвойный лес без остатка поглотил человеческий крик. Через секунду десятипудовое бревно давило грудь человека в мерзлую землю.

Прошла секунда, другая, третья...

Странно, но Костян был еще жив. Он увидел ослепительно яркое весеннее небо. Увидел физиономию Вяткина, склонившегося над ним. Кажется, водила каким-то невероятным

усилием сумел сдвинуть бревно с груди Кота и теперь тормозил его за плечи. Вятка плакал, понимая, что невольно совершил непоправимое, отнял у человека, своего старого кореша, жизнь.

– Эй, паря, что же ты... Что же, Костян... Только не помирай, – шептал Вяткин, давясь слезами. – Слышь, друг... Я за фельдшером враз сгоняю... Лепилу привезу. Он тебя, господи...

Кот помотал головой, стряхивая с себя клочья кошмара, и открыл глаза. Еще не до конца проснувшись, он сел на кровати, спустил вниз ноги. Кот не верил в вещие сны, дурные приметы и прочую белиберду. Но на душе почему-то сделалось гадостно и тревожно. Он набрал номер Ошпаренного.

– Ты готов? – спросил Кот.

– Уже час звонка жду. Ты дрых, что ли?

Костян не ответил.

– Сейчас заверну в гараж за тачкой, – сказал он. – Подберу тебя напротив метро ВДНХ.

Минут через сорок.

– Постой, слышь... Я возьму с собой эту самую штуку? Ну, ты знаешь, что именно. Это не для телефона. На всякий случай. Карман не тянет.

– Ничего не бери. Дело верное и простое.

За окном смеркалось, принялся накрапывать дождь. Смачно зевнув, Кот посмотрел на будильник и стал собираться на выход, запоздало подумав, что за весь день даже пожрать не успел. Ладно, пару бутербродов он перехватит на ходу.

Глава пятая

Костян вошел в двести первый бокс гаражного кооператива «Восток», включил свет и запер дверь на засов. Осмотрев «мерседес», он остался доволен: на кузове ни царапинки, салон в идеальном порядке. Костян вытащил из-под верстака матерчатый тряпичный мешочек с пистолетом. Вставил в рукоятку снаряженную обойму. Номера мерина поменяли еще ночью, по дороге в Москву, поэтому Коту не пришлось задерживаться в боксе лишнюю минуту. Он выгнал машину из стойла, запер ворота.

Через пару минут мерс уже накручивал на колеса километры скользкой трассы. На улицах зажглись первые фонари, их золотые отблески плавали в мокром асфальте. Над проспектом Мира нависала огромная подкова гостиницы «Космос». Костян остановил машину, издали заметив одинокую фигуру Ошпаренного. Димон топтался на проезжей части, выглядывая в потоке машин белый мерс.

Упав на переднее сиденье, Ошпаренный сбросил с головы капюшон куртки, протер мокрое лицо носовым платком.

– Блин, ну и дождина разошелся, – сказал он. – А где остальные? Рама, Килла?

– Готов слезно просил, чтобы на стрелку я приехал без провожатых. – Костян занял средний ряд и прибавил газу. – Но я решил взять тебя одного.

– Я знаю о Глотове всего ничего. Карточный игрок, которому вечно не везет. Когда нет денег, просаживает мелочь в игральных автоматах. Бабник. Имеет всех дешевых шлюх без разбора. Я наблюдал за ним, когда сидели в том кабаке. Он сдержаться не может, если видит юбку чуть выше колен. Рука сама к ширинке тянется. Расстегивает молнию и вытаскивает член с бородавкой. А у него семья, дети, внуки по лавкам...

– Надо так понимать, ты, праведник, девок не имеешь, – усмехнулся Кот. – И карты отродясь в руки не брал. А когда видел их в кино, уходил из зала.

– Не подкальвай. Не в этом дело. Ты же понимаешь, о чем я. Карты, девки... Не нравится мне этот чмошник. И точка. Ничего с собой сделать не могу. Темная личность, от него смердит неприятностями. Я это дерьмо за километр бы обходил. Где, на какой помойке ты нашел этого придурка?

– Глотова рекомендовал человек, которому я доверяю. У нас тут что, викторина с вопросами на засыпку?

– В следующий раз я не стану на него работать, – нахмурился Димон.

– В следующий раз мы так и поступки. Только ты для начала найдешь хорошего заказчика.

– Заказчиков много на «Жигули», и со сбытом проблем нет. Правда, какой с них навар... Увести жигуль – все равно, что нищего ограбить, – сказал Ошпаренный. – Никакого удовольствия, никакой эстетики. Это ниже нашего достоинства и квалификации. Пусть «Жигулями» занимается урла.

– Пусть занимается, – разрешил Кот.

Он давно заметил, что Ошпаренный слишком много болтает, когда здорово волнуется или боится чего-то. Чего он боится? Почему волнуется? Значит, не только душу Кота рвут недобрые предчувствия. И Димон чувствует: что-то неладно, что-то не склеится в этот промозглый туманный вечер, пойдет наперекосяк. И деньги, обещанные за мерина, может стать, уплывут, как дым с белых яблонь. Рассказать Димону о дурном сне? О том, как на лесной дороге Кот попал под прицеп грузовика, задними скатами ему раздробило ноги. А потом, полуживого, придавило баланом. Пожалуй, Димон не станет смеяться. Не тот случай. Но болтать о таких вещах перед делом язык не повернется.

Ошпаренный ерзал на мягком сиденье, морщил лоб, смолил сигарету и вздыхал глубоко, как ныряльщик перед погружением в воду.

– А почему он забил стрелу в этой жопе? – спросил Димон. – Вечер, чертов туман. Пригород Балашихи. Какой-то подземный гараж в недостроенном доме. Это стремно, подозрительно.

– Зато под крышей не капает.

Перестроившись в левый ряд, Кот утопил в полу педаль газа. Дождь хлестал по лобовому стеклу, но дворники справлялись. На выезде из Москвы окрестности окутал такой плотный туман, что фонари впереди идущей машины на расстоянии тридцати метров становились почти незаметными. Встречные тачки появлялись перед мерсом, перед самым его бампером, как привидения. И тут же исчезали. Проскочив пригород Балашихи, долго петляли по каким-то темным, узким улочкам. Пару раз останавливались, спрашивали дорогу у одиноких прохожих. Туман густел, холодало, а дождь не утихал.

– Больше спрашивать нет смысла. Я уже сообразил, куда пилить.

Костян свернул в узкий переулочек, застроенный вросшими в землю домишками. Ни одного фонаря. В тумане тускло мерцали освещенные окна. Кот заложил еще один вираж, вывернул руль, чудом не сбив дворнягу, бросившуюся под колеса. Собака, тьявая, побежала за машиной, но быстро отстала. Кот сделал еще один поворот.

Дальше вместо асфальта тянулось месиво из грязи, перепаханное тяжелыми грузовиками. Кот остановился перед забором, сколоченным из почерневшего горбыля. Ворота настежь, возле бытовки с освещенными окнами стоял, пошатываясь на ветру, старик сторож в ватнике и треухе. На куске листового железа, кое-как прикрепленном на заборе, можно было разобрать надпись, выведенную маслом: «Жилой комплекс возводит СМУ треста...» Дальше не читалось, буквы заляпали то ли дерьмом, то ли грязью. Проржавевший железный лист дрожал на ветру – того и гляди отлетит от забора и грохнется на капот мерса.

– Кажется, здесь, – Кот опустил боковое стекло, мигнул фарами.

Старик с неожиданной резвостью сорвал с головы треух и замахал им, приветствуя гостей. Сторож оказался навеселе, ему нечем было развлечься. Костян подумал, что строители работают тут в одну смену, они довели здание жилого дома до шестого этажа, готов подземный гараж. Смена закончилась пару часов назад. Значит, во всей округе кроме этого полупьяного старика больше никого.

– Заезжайте, – крикнул сторож сильным, поставленным еще в самодеятельности голосом. – Ваш друг того... Уже приехал. С вас на опохмелку причитается.

Костян постукивал пальцами по баранке – он принял для себя решение. Если чему-то суждено случиться, пусть это случится с ним. Он повернулся к Ошпаренному и сказал:

– Вылезай, ты со мной не пойдешь.

– Тебя что, переключило? – Димон выпучил глаза. – С какого хрена?

– Подробности письмом, – Кот сурово свел брови. – Дойдешь до конца улицы, поймешь тачку. И чеши в Москву.

– Но почему...

– Я сказал – все. Хватит свистеть. Позже поговорим.

Димон выругался, и выбрался из машины. Ботинки утонули в жидкой грязи, он с силой хлопнул дверцей. Кот медленно тронул машину с места. В зеркальце заднего вида маячила фигура Ошпаренного. Он осторожно, чтобы не оступиться, брел вверх по улице, что-то бормоча себе под нос. Надо думать, не лирические стихи. Проезжая мимо бытовки, Костян притормозил, сунул в холодную руку старика мелочь.

– Благодарствую, – промямлил сторож.

Он уже не единожды опохмелился за долгий день и вечер и теперь пребывал в самом добром расположении духа. Тянуло на разговор, но из собеседников осталась только приبلудная собачонка.

– Вот там, где фонарь горит, в аккурат съезд вниз, – показал пальцем дед. – Ну, в этот подземный гараж. Там на ночь свет не выключают. Места там много, но сразу найдете, что ищите. Только осторожнее, когда повернете...

Костян не дослушал, дернул с места, объехав грейдер и плиты перекрытия, сложенные штабелем, увидел впереди огоньки. Машина, миновав высокий пандус, покатила вниз, в подземный гараж, на который пока не навесили створки ворот. Дед не соврал, гараж был освещен изнутри шипящими, как змеи, люминесцентными лампами, укрепленными под высоким сводчатым потолком. Вокруг полно строительного мусора, кучи битого кирпича, горы щебенки и песка. Потрепанный фордик Глотова стоял за несущей колонной. Костян подумал, что Ивану Павловичу, поскольку он занялся автомобильными делами, из соображений престижа пора сменить проржавевшую таратайку с помятыми боками на что-то более породистое.

Кот вытащил из-под сиденья пистолет, бросил тряпку на коврик, опустил ствол в левый карман кожаной куртки, поближе к сердцу. Вылез из машины, посмотрел на часы, отметив, что прибыл немного раньше срока. Глотов топтался возле колонны, насвистывая себе под нос невразумительную мелодию. Выглядел он паршиво. Физиономия помятая, будто на ней кто-то долго сидел, а потом сплясал чечетку. Морщины на лбу резко обозначились, под глазами залегли тени, а седые с голубым отливом волосы казались грязно-пегими.

– Ты один?

– Как видишь, – кивнул Кот.

Как всегда, Глотов бодрился, хотел казаться веселым и даже находчивым.

– Уже придумал, куда потратить деньги? – спросил он, протягивая руку. – Или еще только примериваешься?

– Разумеется, придумал. Осуществлю все свои несбыточные мечты, – отшутился Кот. – Для начала выкуплю из ломбарда любимые ботинки.

– Какая проза, тьфу, – Глотов не понял юмора, осуждающе покачал головой. – Убожество. Никакого полета фантазии. У тебя как со временем?

– Никак. Давно мечтаю хоть один вечер провести с невестой.

– А у меня с женой напряженка, хоть домой не приходи, – пожаловался Глотов. – Поэтому сегодня я отдохну от семейной идиллии. Сейчас получим бабки и, если хочешь, завернем в одно местечко. Тебе там понравится.

– Ты уж сам заверни в свое местечко, – покачал головой Кот. – Без меня.

– Как хочешь. Только потом не жалеи и не завидуй. Есть такие девочки, что лярвы из «Плейбоя» в сравнении с ними это так... Отрыжка загнивающего капитализма. Кроме того, наши берут по-божески. Потому что совсем юные и деньгами еще не избалованы. Начинающие. Они так трогательны в своей неопытности.

Глотов расстегнул плащ, мечтательно закатил глаза к потолку, украшенному пятнами плесени и потеками ржавчины. Он поводил ладонью между ног.

– Да, сегодня я выпущу побегать своего хорька. В смысле, трахну клевую телку. А лучше сразу двух. Не дам заснуть им до утра.

Он натужно, с видимым усилием засмеялся. Видно, червяк беспокойства точил душу, оставляя на ее дне черную труху. Костян посмотрел на часы.

– Твой хрен уже опаздывает.

– Слышь, – Глотов поднял вверх палец.

Приближался шум автомобильного двигателя.

Ошпаренный шагал по темной грязной улице, проклиная все на свете. Кота с его закидонами, этот поганый городишко, этот вечер, дождь. Весь неудачный день. Утром Димон приехал на Старый Арбат, где договорился встретиться с неким Валерой по кличке Сифилитик, мужиком лет пятидесяти, который среди московских коллекционеров старинных виниловых пластинок считался едва ли не культовой фигурой. Он никогда не стриг засаленные патлы, одевался, как бомж, и питался отбросами, потому что каждую копейку тратил только на свое увлечение.

Поговаривали, что у Сифилитика одна из комнат квартиры, адреса которой никто не знал, битком, с полу до потолка, забита музыкальными раритетами. И все пластинки почти в безукоризненном состоянии. У него есть полное собрание «Битлз» той поры, когда вся четверка была еще жива и здорова. Есть весь винил «Роллингов», едва ли не полное собрание Элвиса. Димон мечтал купить или выменять у Сифилитика пару раритетов, но этот гад обманул, не явился на встречу. Мобильник коллекционера не отвечал. Ошпаренный полтора часа проторчал в забегаловке, набитой приезжими лохами, накачался пивом и ушел ни с чем.

А вечер оказался еще хуже. Костян выбросил его из машины на незнакомой окраине, где грязи по уши, нет ни пешеходов, ни машин. Ошпаренный медленно шагал вверх по улице, цедя сквозь зубы ругательства, когда в лицо ему ударил свет автомобильных фар. Выплюнув окурочок, он натянул капюшон на лоб, остановился возле старого тополя.

Не сбавляя хода, черный джип промчался мимо. Димон видел, как тачка остановилась у ворот стройки. Из бытовки появился сторож, встал на пороге, снял шапку. С заднего сиденья вылез человек. Видимо, старик что-то сказал приезжему. Но человек не хотел базарить. Он резко выкинул вперед руку. За кисеей дождя Ошпаренный не мог толком разглядеть, что происходит у бытовки. Старик пропал из поля зрения. Человек сел в джип, машина, мигнув стоп-сигналами, поехала дальше, на территорию стройки.

В раздумье Димон вытащил сигарету, хотел прикурить, но ветер, налетавший порывами, гасил огонек зажигалки. Швырнув так и не зажженную сигарету в грязь Димон, побежал обратно вниз по улице. Высоко задирая ноги, он несся вперед, не разбирая пути. Миновав ворота, свернул к бытовке.

Дверь распахнута настежь, на коротком шнуре свешивается подслеповатая лампочка. В узком проходе между двумя крошечными комнатенками он увидел сторожа. Старик лежал на спине, разметав руки по сторонам. Лицо сморщилось, как подгнившее яблоко. Штаны задрались кверху, обнажив молочно-белые безволосые ноги. Димон перекрестился и шагнул вперед, споткнувшись о скомканную шапку, похожую на дохлую крысу. Рядом валялась вставная челюсть, выскочившая изо рта. Димон наклонился над телом.

Кажется, дед жив. Точно, жив. Из широко раскрытого рта сторож выдувал крупные кровавые пузыри. Беспородная собачонка, поджав хвост, стояла над хозяином. Лизнув старика в лоб и небритый подбородок, она посмотрела на Димона снизу вверх, будто ждала его помощи и защиты. Старик застонал, повел головой из стороны в сторону. Собака заскулила.

– Суки драные, – прошептал старик. – Креста на вас нет. За что? За что мне это? Дайте же опохмелиться инвалиду производства. А-а-а... Хоть пива...

Он снова застонал и вырубился. Видимо, человек, выскочивший из джипа, от души приложил сторожа кулаком или чем потяжелее. Когда дед очнется, а это случится нескоро, наверняка не вспомнит даже своего имени. Димон выскочил из бытовки и помчался в сторону недостроенного дома.

Глава шестая

С переднего сиденья джипа вылез мужчина лет тридцати пяти в коротком плаще цвета хаки, джинсах и ковбойский сапогах с кожаной бахромой и ушками. Ольшанский носил галстук, голубую рубашку в цвет глаз, вьющиеся каштановые волосы смазывал какой-то дрянью, но не машинным маслом и не вазелином. Волосы блестели и пахли морем. Он за руку поздоровался с Готовым, крепко сжав ладонь, тряхнул руку Кота. Представился коротко: Виктор.

Следующие пять минут он сосредоточенно изучал «мерседес». Залез под капот, облазил салон, кажется, хотел убедиться, что на чехлах нет кровавых пятен. Заняв водительское место, осмотрел приборную доску, ласково погладил ладонью безупречно отполированную деревянную панель, потыкал пальцами в кнопки бортового компьютера. Окончательно убедившись, что пригнали ему не рыдван с европейской свалки, а новенький мерс с шестисотым движком, вылез из машины и сунул нос в багажник. Он не задавал вопросов, видимо, берег их напоследок. Пока Ольшанский инспектировал машину, его люди выгрузились из джипа.

Трое парней, включая водителя, похожего на попугая, обутого в ботинки на высокой платформе, мерили шагами пространство подземного гаража. Они молчали и переглядывались. Костян, скрестив руки на груди, молча наблюдал за происходящим.

– Хорошо, – бросил Ольшанский.

Захлопнув крышку багажника, он приблизился к Коту. Остановился в двух шагах от него, засунул руки в карманы плаща. Готов, прикурив сигарету, так внимательно смотрел себе под ноги, будто увидел на грязном бетоне китайские письма.

– Ты хочешь получить расчет? – спросил Ольшанский. – Прямо сейчас?

– Мы так договаривались, – кивнул Кот.

– Хорошо, – повторил Ольшанский. – Сделаем, как скажешь. Только... Небольшая заминка. Сущий пустяк. Видишь вот этого человека? Точнее, этот кусок навоза, который вывалился из задницы большой коровы?

Он указал пальцем на Глотова. Тот еще ниже опустил голову. Ссутулился и, бросив окурок, раздавил его каблуком.

– Он работал на меня. Ну, какое-то время, пока ему за воровство не прищемили хрен. Короче, он имел доступ к наличке. И обворовывал меня. Потихоньку, не торопясь. Он не откладывал деньги на черный день, на старость. Просирал бабки на ипподроме и в катранах.

– Я хотел все вернуть, – Готов попятился назад. – Я бы так и сделал. Мне нужно было время.

– Заткнись, тварь, – поморщился Ольшанский. – Держи пасть на замке. А когда кражу обнаружили, оказалось, что с Глотова нечего взять. Костюм, пара ботинок и еще та ржавая помойка под названием «форд». Вот и все его имущество. У него даже квартиры нет. Снимает какой-то угол на выселках. Потому что квартиру он тоже просадил. Неизвестно где и неизвестно как.

– Это не мои дела, – ответил Костян.

Пальцами правой руки он расстегнул верхнюю пуговицу куртки. Одно движение, и рукоятка пистолета окажется в его ладони.

– Я пришел за деньгами.

– Мы это решим, – пообещал Ольшанский. – Но сначала дослушай. Готов ползал на коленях, умолял дать ему шанс. Он найдет человека, который приведет новый мерс. Тем самым наш Иван Павлович снимет с себя часть долговых обязательств. А потом еще что-нибудь придумает. Теперь понимаешь? Готов подставляет тебя, а сам списывает свой долг. Ты совсем не разбираешься в людях, если связался с этой поганкой.

Гловов достал из кармана мятый носовой платок. В гараже было холодно, но на лбу у него выступила испарина, мутная капля пота повисла на кончике носа. Он стоял, ссутулив плечи, вытирал лицо платком и ждал, когда Ольшанский вынесет приговор. Возможно, оправдает подчистую. Приступы великодушия с хозяином случались и прежде. В добрую минуту он мог простить почти все. Хамство, грязные интриги, даже растрату денег. Возможен другой вариант... Но об этом не хотелось думать...

Два парня из охраны Ольшанского подошли к Коту, встали справа и слева. В затылок ткнулся ствол пистолета. Это водила джипа зашел с тыла.

– Подними ручки, паш-шкуда, – скомандовал из-за спины водитель.

Этот попугай, носивший ботинки на платформе, к тому же оказался шепелявым. Зубов у него, что ли, не хватает? Или это с рождения? Или испугали в детстве?

– Только не дури. Курок на боевом взводе. Предохранитель ш-шнят. Мне ош-штается согнуть палец. И пуля ош-штынет в твоей башке.

– Ош-штынет... – передразнил Кот и молча поднял руки.

Охранники Ольшанского расстегнули ему куртку, выудили из внутреннего кармана пистолет Макарова. Потом ощупали всего, вывернули карманы, проверяя, нет ли кастета или бритвы. Когда унижительная процедура обыска закончилась, разрешили опустить руки.

– Макарон? – Ольшанский взвесил на ладони пистолет Макарова, передернул затвор, досылая патрон в патронник. – М-да... Ты пользуешься такой хренотой? И еще считаешь себя крутым гангстером?

– Стреляю по банкам.

– А мне и в людей доводилось, – печально улыбнулся Ольшанский.

Он приподнял ствол, повернулся в полоборота к Гловову. Иван Павлович, бешено озираясь по сторонам, отступил на шаг. Он искал спасения, но видел только кучи строительного мусора, три автомобиля и пистолет в руке Ольшанского. Грохнул выстрел, эхом прокатился под сводчатым потолком. Гловов рухнул на колени, уперся ладонями в пол. Пуля, не задев кость, навывлет прошила икроножную мышцу, вырвала клочок мяса. Левую ногу жгло так, будто в нее всадили острый металлический прут. Штанина, быстро пропитавшись кровью, сделалась тяжелой и горячей. Гловов, стоя на четвереньках, тихо, по-собачьи выл.

– Заткнись, дерьмо, – кто-то подскочил к Гловову и ударил носком ботинка в лицо.

– Честно говоря, идея Гловова с «мерседесом» мне понравилась, – как ни в чем не бывало продолжал Ольшанский. – Это остроумно. И мерс мне, как солидному человеку, действительно нужен. Поэтому, так и быть, я его забираю. Ты не возражаешь?

Костян молчал, потому что крыть было нечем. Разумеется, он не возражает. Его развели и кинули, как последнего лоха.

– Разумеется, – он заглянул в глаза Ольшанского. Глаза поменяли цвет, из голубых сделались темно-серыми, как свинец. – Гловов говорил, что ты в Москве недавно. Так вот, ты плохо начинаешь на новом месте.

– Ты угрожаешь? – неожиданно заорал Ольшанский. – Ты, сраный урка, угрожаешь мне?

– Нет, я объясняю. Если ты заберешь тачку и оставишь меня здесь живого, жди неприятностей. Если ты грохнешь меня, значит, жди большой беды. По-другому не будет. Поэтому сделаем так: ты отдашь бабки, и мы разойдемся. По-хорошему.

– У меня их нет. Забыл снять с банковского счета. Память подвела.

Ольшанский через силу улыбнулся, поглядел по сторонам, хотел, чтобы эту улыбочку видели его парни. Он отвел локоть назад, резко, со всей положенной от природы силой, выбросил руку вперед, ударив Кота стволом пистолета в печень. Костян отступил на шаг, но устоял на ногах. Ольшанский ударил стволом под сердце. Боль, как молния, прошила

тело сверху вниз, до самых пяток. На мгновение мир погрузился в темноту. В этой темноте заплясали оранжевые козявки.

– Ты просто ворюга, поганая дешевка, – брызгая слюной, прокричал Ольшанский. – Ты ни на что не способен. Все, что ты умеешь, – увести чужую тачку. И сбросить ее за копейки. Если повезет. Но сегодня не твой день. У меня есть принципы. Например, такой. Если вещь можно взять бесплатно, я и не плачу ни гроша. А зачем?

Костян терпел. Хотелось схватиться за грудь и живот, согнуться пополам, но он пере-сил себя, лишь до крови прикусил нижнюю губу. Показывать свою слабость этим говнюкам – слишком много чести. Он вспомнил тот самый сон, что видел сегодня днем. Вот и говори после этого, что вещие сны туфта на машинном масле. Что-то тяжелое, кажется, кулак с зажатой в нем свинчаткой, вlepился ему в ухо.

Костян вскрикнул.

Новый удар кулаком в нижнюю челюсть уложил его на пол, на подстилку из гравия и кирпичных осколков. Чей-то башмак придавил ему горло. Извернувшись, Костян скинул башмак, перекатился на бок. Но тут же на него снова обрушились пинки и удары по голове.

– Вставай, скотина, – крикнул Ольшанский. – Ну же... Встань. Я хочу посмотреть, какой ты жалкий поц.

Ошпаренный лежал на куче гравия в дальнем углу подземного гаража. Справа строители оставили вентиляционные короба, отбрасывающие густую тень. Димон наблюдал за тем, что происходит в двух десятках метров от него, не рискуя быть замеченным. Он проник в гараж не через ворота, обошел недостроенный дом сзади, наткнулся на вход в подвал. Спустившись вниз по осклизлым ступенькам, долго блуждал в темных коридорах.

Наконец в одном из технических проходов он увидел тусклый свет. Через пару минут Димон оказался в гараже. Услышав голоса и сухой хлопок выстрела, повалился на гору щебня, закрытую вентиляционными коробами. Пополз вверх на брюхе. Теперь он мог видеть все, что происходило внизу.

Ольшанский и его люди топтались возле Кота. Между стареньким «фордом» и несущей колонной на карачках стоял Глотов. Он хватался за простреленную ногу, вытирал окровавленные ладони о плащ, тихо подвывая, размазывал по лицу слезы. От этого воя по спине пробегал холодок, начинался какой-то странный зуд между лопатками.

В первую же минуту Димон понял, что дело дрянь. Сбылись худшие опасения. Кажется, Коту крепко достанется, и хорошо, если все кончится малой кровью. Хорошо бы так... Глотова уже ранили и, похоже, на этом не успокоятся. Мерса не видать как своих ушей. Ну, и хрен с ним. Это всего лишь железо. Но как вытащить из этой каши Кота?

Ошпаренный лихорадочно соображал, искал выход. Но выхода не было. Костян сам запретил ему брать с собой пушку. А Димон, дурак, развесил уши, не захватил ствол. Мысли путались.

Итак, в кармане куртки мобильник. Можно осторожно выбраться отсюда тем же маршрутом. И позвонить. Но куда? Кому? В ментовку? Не самая блестящая идея. Звать на помощь Леху Киллу и Петю Раму уже не имеет смысла. В лучшем случае они окажутся здесь через час с лишком. Если вообще найдут эту улицу и этот клятый гараж. К тому времени все будет кончено.

Так что же предпринять? Схватить арматурный прут и попереть с ним на стволы? Чушь. Лежать и смотреть, как пропадает Костян? Лежать и смотреть... Хуже этого ничего не придумаешь, но и лучше ничего не придумаешь. От сознания собственной беспомощности кружилась голова, к горлу подступала тошнота. Выходит, он вернулся только затем, чтобы увидеть своими глазами все, что тут произойдет? Увидеть и ничего не сделать.

Димон зажал ладонями уши. Он больше не мог слушать надрывные стоны Глотова.

Надо встать... Кот пытался оттолкнуться руками от пола, подняться, но только исцарапал ладони. Кто-то пнул его в грудь носком ботинка, кто-то ударил кулаком по лицу. Мир плыл перед глазами, изо рта на грудь бежал тонкий кровавый ручеек, а руки сделались непослушными и тяжелыми, будто к ним привязали пудовые гири. Наконец, попытка удалась, Кот сел на бетонный пол. Ольшанский засмеялся, кто-то плюнул сверху... Молодчик из людей Ольшанского, выскочив из-за спины хозяина, снова ударил Кота в грудь твердым, как гранит, рантом ботинка. И тут же влепил тяжелым кулаком в ухо.

Костян спиной повалился на битый кирпич, сквозь туман, плывущий перед глазами, старался разглядеть рожу того ретивого гада. Кожаный прикид, узкий лоб, глубоко спрятанные глаза дегенерата, темная родинка между губой и основанием носа. Сутулит спину, на безымянном пальце массивная золотая печатка. Если какой-то человек действительно произошел от обезьяны, то это как раз он. Кот, оттолкнувшись локтями, сел. Он старался решить для себя, велики ли его шансы выжить. Как ни прикидывай, выходило, что шансов мало. Или почти нет.

– Жри, – заорал Ольшанский, пытаясь запихнуть в рот Кота мятую долларовую купюру. – Ну, сука, жри... Ты ведь этого хотел. Этого хотел, я спрашиваю? Отвечай!

Парни, обступившие Кота со всех сторон, переглядывались и ржали в голос. Не сдерживая веселого настроения, пинали его по бедрам и коленям. Сзади водила несколько раз вмазал ногой по почкам. Кто-то сжал голову Кота, чьи-то руки разжали челюсть. В рот запихали долларовую бумажку, скатанную в шарик. Затем еще одну...

– Ты же этого хотел, чувак, – надрывался Ольшанский. – Ты пришел за деньгами. Получи расчет. Жри свои бабки. Парни, только без насилия. Я не люблю насилия. Просто помогите человеку, он не может проглотить лаве. Тебе нужна запивка? Жалко, воды нет. Но, если хочешь, я possu тебе в рот.

На нижнюю челюсть, на подбородок продолжали давить с такой силой, что Костян не мог закрыть рот, уже полный мятых долларовых банкнот. Он кашлял, старался языком вытолкнуть деньги наружу, вытащить их руками. Но кто-то сзади выкрутил предплечья, надавил коленом на шею. Кто-то, мертвой хваткой вцепившись в волосы, задрал голову Кота, и все совал в открытый рот новые бумажки. Все совал.

– Жри, жри...

Костян вырывался, мотал головой, старался боднуть ближнего к себе противника лбом в промежность. Но получалось вяло. Кот лишь мотал головой взад-вперед и мычал, как корова, которую ведут на бойню. Кровь, заполнившая рот и пазухи носа, мешала дышать, глаза вылезали из орбит, а лицо приобретало мертвенный синеватый цвет. Кажется, это унижительная экзекуция никогда не кончится.

– Жри, – орал Ольшанский. – Жри, сука... Подавись.

Слушать вопли впавшего в истерику Ольшанского не было никаких сил. Костян плохо соображал, что происходит, чего хотят Ольшанский и его прихлебатели. Грохнуть Кота? Они могли пустить пулю ему в лоб еще пять, десять минут назад. Поучаствовать в этом представлении с долларовыми банкнотами?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.